

Предки деревни Инхуа изначально были особым племенем, отличающимся от обычных людей. Изначальное название племени было давно потеряно в веках, и они называли себя Чанъи, основываясь на звуках, дошедших до них. В племени Чанъи всегда было больше мужчин, чем женщин, и мужчины обладали более сильной способностью к деторождению, а их потомство было более сильным и здоровым.

Однако в то время страна была в хаосе, земли племени Чанъи были захвачены, а их секреты стали известны другим, и их стали преследовать как чужаков. Племя было вынуждено рассеяться и бежать. Большинство уехали за границу, некоторые — на юг, другие — на запад. Группа, пришедшая в деревню Инхуа, была небольшой, всего около двух-трех сотен человек. Опасаясь привлечь внимание, они бежали вместе с другими беженцами и оказались в почти изолированной деревне Инхуа. Тогда деревня еще не называлась Инхуа, и здесь не было вишневых деревьев. Это была закрытая и примитивная долина, которая из-за своей изоляции была безопасной. Первое поколение поселилось здесь.

С тех пор в племени продолжали рождаться дети, хотя они жили рядом с другими людьми, но секрет сохранялся хорошо, и никто ничего не замечал. Однако вскоре возникла серьезная проблема.

Из-за поспешного бегства их группа была малочисленной и слабой, и они не смогли взять с собой много снадобий племени. Когда последние снадобья закончились, дети, рожденные без их использования, стали очень слабыми, часто болели, и даже небольшая болезнь могла привести к смерти. Взрослые члены племени, не получая лекарств, тоже с трудом могли зачать детей. Смертность превышала рождаемость, и со временем племя стало вымирать. В итоге осталось всего двенадцать семей. Они, чувствуя, что их род может прерваться, стали братьями, поддерживая друг друга. Трое самых способных братьев оставили свои семьи на попечение других и отправились на поиски большой зарубежной ветви племени, чтобы получить снадобья и продолжить свой род.

— Но они не вернулись.

С грустью сказал дедушка Цзю. Среди ушедших был его дед, и он, будучи уже взрослым, помнил это. Когда они уходили из гор, они действительно готовились к худшему, но кто бы мог подумать, что они действительно не вернуться?

Отец мрачно продолжил:

— За эти годы из двенадцати семей некоторые действительно вымерли, другие уехали, чтобы жить обычной жизнью, и от них не было хороших новостей. В деревне остались только я, старший дядя, второй дядя и ваша семья. И уже много лет не было ни одного ребенка. Мы думали, что когда наше поколение умрет, эта ветвь племени в деревне Инхуа окончательно исчезнет.

— Сяожань, твой случай совершенно неожиданный. Это хорошая новость, но и плохая. Ты... ты подумал?

Хорошая новость заключалась в том, что это был первый ребенок за много лет, что имело огромное значение и давало надежду на продолжение их рода. Плохая новость была в том, что Чэн Сяожань с детства был слабым, и было неясно, сможет ли ребенок родиться здоровым. Даже если он родится, скорее всего, он будет болезненным, и у семьи Чэнов не будет достаточно средств, чтобы его содержать. Жизнь Чэн Сяожаня, который был еще так молод, будет очень тяжелой. Стоит ли ему всю жизнь посвятить этому ребенку?

И последнее: их племя всегда подвергалось гонениям, они были чужаками для большинства людей в мире. Этот путь будет очень трудным. Их поколение уже старое, скоро уйдет, и они не смогут долго поддерживать Чэн Сяожаня. Оставшись один, сможет ли он справиться?

Чэн Сяожань не ожидал, что у этого такая история. Оказывается, он не исключение, а часть целого племени. Хотя люди Чаньи не подвержены контролю гормонов, как в его прошлой жизни, и не теряют рассудок во время периода спаривания, они не могут обходиться без лекарств, словно их род не угоден небесам. Продолжение рода и личная жизнь для них в разы труднее, чем для обычных людей.

Если бы это был прежний «Чэн Сяожань», он бы, возможно, отступил. Если бы он оказался здесь без ничего, он бы тоже был в замешательстве. Но у него было девять флаконов восстанавливающей жидкости, и проблема слабости тела для него не была серьезной. В крайнем случае, он мог бы использовать ментальную силу, чтобы укрепить здоровье ребенка, хотя это был бы последний вариант, так как ментальную силу он не мог использовать без необходимости.

— Дедушка Цю, папа, я не откажусь от этого ребенка. Я знаю, что этот путь может быть трудным, и будущее будет тяжелее, чем обычная семейная жизнь, но этот ребенок уже со мной, и я не могу отказаться от него из-за возможных трудностей, — твердо сказал Чэн Сяожань. — Кроме того, я могу заработать достаточно денег до его рождения, чтобы не бояться медицинских расходов и обеспечить ему достойную жизнь.

Раньше он хотел разбогатеть, чтобы жить комфортнее, но теперь, учитывая историю преследований их племени, его особенность была потенциальной угрозой. Если это станет известно, последствия могут быть ужасными, вплоть до «смертельной опасности», о которой говорил отец. Поэтому, даже ради собственной безопасности, он должен был получить власть и деньги.

Чэн Сяожань был рад, что заставил Цзян Чэня и семью Ван молчать. Он вспомнил и убедился, что не оставил никаких улик перед посторонними.

Дедушка Цю был в восторге. Хотя он говорил, что Чэн Сяожань должен подумать, но если бы тот решил избавиться от ребенка, старик был бы явно недоволен:

— Молодец! Молодец! Наш род наконец продолжится. Переезжай ко мне, у меня есть опыт, я помогу тебе с беременностью и родами. Вы, молодежь, всегда такие неосторожные...

Чэн Сяожань почувствовал неловкость. Одно дело — знать, что он может рожать, другое — принять этот факт. Он все еще считал себя мужчиной, и разговоры о беременности и родах казались ему неестественными. Отец заметил его дискомфорт и спросил:

— Ты говорил, что хочешь заняться вишневыми деревьями?

— Да, — серьезно ответил Чэн Сяожань. — В нашей деревне полно вишневых деревьев, это готовый ресурс. Скоро начнется сезон цветения и плодоношения, и если все получится, мы сразу увидим доход. У меня есть однокурсник из сельскохозяйственного университета, он занимался исследованиями в этой области и разработал несколько рецептов удобрений, хотя они еще в процессе испытаний. Я тоже изучил много информации и могу попробовать. Деньги на удобрения у меня есть, но, возможно, понадобится несколько помощников.

Дедушка Цю с улыбкой сказал:

— Са~жать вишню? При~ходи ко мне, здесь на горе полно вишневых деревьев, все~ я посадил сам, у~хаживал за ними хорошо, цве~тут лучше всех.

Когда он не торопился, его привычка растягивать слова снова проявлялась, что затрудняло понимание. Чэн Сяожань осмотрел вишневые деревья на горе Дачжоу. Они были посажены с правильным интервалом, и каждое дерево выглядело очень здоровым. Самое главное, что возраст деревьев был примерно одинаковым, так как дедушка Цзю начал сажать их после того, как поселился на горе. Самому старому дереву было чуть больше десяти лет, а самым молодым — пять-шесть лет, так как последние годы дедушка уже не мог тяжело работать.

Такие вишневые деревья находились в самом продуктивном возрасте. Всего их было около 3 000, что, хотя и не огромное количество, но достаточно, чтобы занять их на какое-то время. Чэн Сяожань сразу же решил арендовать этот вишневый сад. Хотя деревья были посажены дедушкой Цзю, гора принадлежала всей деревне. Если он начнет зарабатывать большие деньги, нужно будет оформить аренду, чтобы избежать споров. Лучше арендовать всю гору Дачжоу, так как она была далеко от деревни, с плодородной почвой и разнообразным рельефом, что открывало много возможностей.

— Сяоэр, пора возвращаться, мама начнет волноваться, — крикнул отец.

Чэн Сяожань ответил, и они снова шли около получаса, прежде чем вернулись домой. Дома их уже ждали мать и сестра, которые явно нервничали. Быстро поужинав, они как раз встретили старшего дядю Чэна, который пришел в гости. Прежде чем тот успел заговорить, Чэн Сяожань рассказал о планах аренды. Старший дядя Чэн был нынешним главой деревни Инхуа.

<http://bllate.org/book/16650/1525460>